УДК 342.415

ЕВРАЗИЙСТВО: РЕТРОСПЕКТИВА ИЛИ ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ?

И.В. Новоженина*

Аннотация. Автор актуализирует концептуальные основы евразийства, обосновывая, что евразийская идея вышла на новый виток истории в связи с евразийской экономической интеграцией.

Ключевые слова: евразийская интеграция, евразийство, Россия — Евразия.

EURASIANISM: RETROSPECTIVE OR PERSPECTIVE OF DEVELOPMENT?

I.V. Novozhenina

Abstract. The author actualizes the conceptual foundations of Eurasianism, arguing that the Eurasian idea started a new round of stories in connection with the Eurasian economic integration.

Keywords: Eurasian integration, Eurasianism, Russia — Eurasia.

Научная специальность 12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Евразийство как идеологическое движение зародилось в 20-е гг. XX в. Внутренний раскол привел к самоликвидации организации евразийцев и прекращению активной евразийской пропаганды к началу Второй мировой войны. Евразийские идеи на долгие десятилетия перестали занимать умы общественности, однако в конце 80-х — начале 90-х гг. исследователи отметили «ренессанс» евразийства.

С 2001 г. на постсоветском пространстве начинается экономическая интеграция на основе идеи единой Евразии: создается Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) пяти бывших советских республик. С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Очевидно, евразийская идея выходит на новый виток исторической спирали. Представляется, что в современных условиях перспектива развития требует обращения к наследию ученых-евразийцев, к евразийской идее.

Идеология евразийства базируется на целой системе философских, историософских, нравственных и религиозных взглядов. История движения и документальные свидетельства не позволяют согласиться с утверждением существования лишь персонального евразийства каждого евразийца. Несмотря на определенные расхождения во взглядах, евразийцев объединяли некоторые общие идейные принципы.

Философской основой евразийского учения стало возрождение органических идей, вытесняющих представления о внешнем и механическом единстве рассматриваемого объекта утверждением единства органического. Этот подход позволяет евразийцам сформулировать понятие симфонической личности или культуроличности. Так, исходное евразийское учение о личности показывает личность как живое и органическое единство многообразия, которое противостоит понятию отдельного и замкнутого в себе социального атома. Определяющим евразийское понимание личности является такое единство множества, что ни единство, ни множество отдельно друг от друга не существуют.

Развивая свое учение, евразийцы признают реальностью не только индивидуальную личность, но и соборные или симфонические личности, представленные

© Новоженина И.В., 2015 Статья опубликована в открытом доступе на сайте sovnauka.com

* НОВОЖЕНИНА ИННА ВЛАДИМИРОВНА,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Московский институт экономики, политики и права
Контакты: Климентовский переулок, д. 1, стр. 1, Москва, Россия, 115184
E-mail: novogeninaiv@yandex.ru

социальными группами, народами, субъектами культуры (объединяющими многие народы), всем человечеством. Симфоническая личность — это единство множества индивидуальных личностей или — для высших симфонических личностей (народа, человечества) — множество личностей симфонических (социальных групп, народов). Потому индивидуум не только замкнутая и отграниченная индивидуальная личность, но и соответствующие симфонические личности, обретающие свою реальность лишь в существовании единства множества индивидуальных личностей.

Противостоящее западному индивидуализму учение о личности, находящее свое отражение и в государственно-правовых взглядах евразийцев, выступает первой философской предпосылкой евразийской идеологии. На этой основе формируется евразийское представление о культуре — центральной категории евразийства.

Культура в евразийской концепции является живым организмом, ценным своей уникальностью. Для евразийцев принципиально не может быть приоритетной для всех культуры и одного исторического пути. При этом особое «месторазвитие», духовные основы, история и этническая культура, объединяющая народы России, дает ей качество быть «Россией — Евразией» — срединным континентом, государством-цивилизацией, на котором лежит историческая миссия. Миссия доказать примером собственного плодотворного развития возможность идти оригинальным путем, возможность синтеза западных и восточных ценностей, социального, национального и цивилизационного примирения.

Культуроцентрическое мировоззрение евразийцев фокусируется на государстве-цивилизации — России.

Евразийство продолжает традиции характерного для русской историософии позитивистского анализа культуры, направленного на исследование географических, климатических, экономических и т.п. факторов [1, с. 93, 94].

Вместе с тем новый подход применяют евразийцы, обосновывая единство России комплексом материальных факторов. Так, евразийцами утверждается органическая связь культуры, географии, этнической составляющей и истории. Евразийцы представляют соответственно географическую, этническую, историческую концепции, обусловливающие уникальность культуры России, в том числе ее государственно-правовой составляющей. Усилиями евразийцев перед нами предстает Россия — Евразия — своеобразная цивилизация в рамках одного государства.

Введенное П. Савицким понятие «месторазвития», ставшее одним из ключевых в евразийстве, по признанию автора объединяет географический, этнический, хозяйственный, исторический и т.д., и т.п. «ландшафт» такого комплексного явления как Евразия [2, с. 232]. «Месторазвитие» определяет единство и своеобразие России — Евразии, общность исторической судьбы ее народов.

Обозначение «Евразии» приобретает у евразийцев значение «сжатой культурно-исторической характеристики», указывающей, что культурное бытие России включает элементы различных культур. При этом П. Савицкий подчеркивает, что: «Определяя русскую культуру как «евразийскую», евразийцы выступают как осознаватели русского культурного своеобразия» [3, с. 85]. Положительной оценки, на мой взгляд, заслуживает стремление евразийцев учесть историческое развитие русской культуры и противопоставить неадекватно акцентируемым ее составляющим (например, славянству) культуро-личность, как специфическое целое.

При этом, в евразийском понимании, «культура России не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и другой. Она — совершенно особая, специфическая культура, обладающая не меньшей самоценностью и не меньшим историческим значением, чем европейская и азиатские. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную, евразийскую культуру» [5, с. 256]. Отстаиваемое евразийцами органическое сочетание элементов русской культуры придает ей новое качество быть культурой «евразийской», что, на мой взгляд, снимает все обвинения в попытке евразийцев «обазиатить» русскую культуру. В приведенной цитате «Евразийства» четко обозначен цивилизационный подход к проблеме русской культуры и сделана попытка определить место русской культуры в мире, который евразийцы представляют поликультурным.

Вместе с тем, евразийцы исключили из своего научного анализа европейские компоненты культуры России, выведя на передний план отрицательное воздействие западничества и, показав упадочную культуру Европы начала XX в., «забывая» о положительных тенденциях, например, европейской эпохи Просвещения. Такая предвзятость не осталась без внимания справедливой критики [8, с. 8; 1, с. 60]. К сожалению, евразийцы не дали цельной, законченной концепции культуры «России — Евразии».

Своеобразием характеризуется евразийцами и диалектика истории российско-евразийского мира. Схема, данная сторонниками выявления азиатских связей России такова: всеевразийская держава Чингисхана трансформируется в Московское государство, которое становится впоследствии Российской империей [7, с. 4]. Историю России и российской государственности евразийцы

органически связали с татаро-монгольским игом, усматривая в бытии дотатарской Руси элемент неустойчивости, который не мог не привести к чужеродному игу. Именно монголам евразийцы отдают первенство в формулировании исторической задачи Евразии, основоположении ее политического единства и основ ее политического строя.

Главный результат ига для России — усвоение новой функции быть объединительницей евразийского мира. Деструктивное влияние «татарщины» для евразийцев затмевалось позитивным политическим наследием, ибо евразийцы оценивали государство, как мощную цивилизационную силу, организующую все сферы культуры [1, с. 96, 97]. Укрепление государства для апологетов культуры — залог сохранения духовного богатства народа России — Евразии.

Выделяя материальные факторы единства России, вместе с тем, основоположник евразийства Савицкий подчеркивает, что «месторазвитие» — это только один материальный срез действительности: «Живым ощущением материального не ослабляется, но усиливается живое чувствование духовных принципов жизни…» [2, с. 232].

Духовной основой объединения, составляющей опору евразийской идеологии, выступает религия, вера, поскольку евразийцами ставится задача найти идеологию, «которая бы одушевляла пафосом вечного, абсолютно-ценного, властно призывала бы к абсолютно оправданной деятельности и была несомненно, т.е. абсолютно обоснованной в своих истоках» [6, с. 241]. При этом абсолютно несомненные истины религии отождествляются евразийцами только с русской православной верой. Представляется, что этот шаг приводит к тому, что для многих неправославных евразийская идея по существу утрачивает качества Абсолюта. Особенно остро это противоречие проявляется в современных условиях межконфессионального противостояния, прежде всего христианства и ислама.

Как бы то ни было, евразийцы проявляют в этом вопросе чудеса дипломатии, обещая «столковаться» с «теми, кто вникает в русский революционный процесс и непредвзято его переживает и осмысляет», не обладая религиозным сознанием, на почве конкретной программы. «Пусть для них она будет достаточным и последним, а для нас — выводом из высшего», — соглашаются идеологи евразийства. Многовековая история существования полиэтнической и поликонфессиональной российской цивилизации, возможно, сложилась не без участия Православия, лояльного в отношении иноверцев и проповедующего принцип соборности, что не позволяет отказать евразийцам в определенной логике.

Соборность определяет внутреннюю природу Православной Церкви. В евразийской интерпретации — это идея симфонической личности. В.М. Хачатурян в этой связи причисляет евразийцев к числу продолжателей мистико-теологической концепции исторического процесса [1, с. 93]. Характерно, что именно государство для евразийцев воплощает религиозный идеал соборности, что и определяет ценность государства.

В целом, устанавливаемые евразийством связи церковь-государство, церковь-культура — проблема неоднозначная и противоречивая, что не осталось без внимания критиков евразийской эпохи — Бердяева, Флоровского.

В настоящее время эта проблема только усложнилась, и эксплуатация Православия, как идеологического Абсолюта, в многоконфессиональном государстве чревата вполне предсказуемыми последствиями. Православие, несомненно, не та идея, что могла бы объединить сегодня христиан и мусульман, в то же время религиозно-этические ценности в их светской форме могут служить основой единства общества.

Анализируя национальную историю, евразийцы приходят к убеждению, что именно утрата правящим слоем понимания специфики «России — Евразии» приводит к неадекватному подражательству, западничеству [7]. Следствием этого становится катастрофа, постигшая Российскую империю, логическим завершением которой стала революция 1917 г. Игнорирование уникальности России для евразийцев всегда чревато новыми потрясениями и упадком. Разрушительному «западничеству», понимаемому евразийцами как идолопоклонство западной культуре в ущерб собственной, ученые противопоставили «истинный национализм», утверждающий ценность собственной культуры и необходимость ее самобытного развития, причем как культуры наднациональной на национальной основе.

Евразийское отношение к Европе трактуется критикой неоднозначно, зачастую как враждебное. В то же время сами евразийцы буквально считают, что из осознания Россией своей исторической, общечеловеческой миссии вовсе не следует, что «мы должны враждебно замыкаться в себе от Европы и что у нас нет с ней точек жизненного соприкосновения», постановка задач России — «это не проповедь священной войны Европе и не отрицание самобытности и ценности за ее культурой» [6, с. 279].

Вместе с тем, евразийцы призывают учесть отношение романо-германцев к своей культуре, которое Н.С. Трубецкой определил, как эгоцентрическое, стремясь отразить желание Запада видеть свою культуру общечеловеческой и не видеть вовсе иные культуры. При этом ученый считал долгом каждого не романо-герман-

ского народа, во-первых, преодоление всякого собственного эгоцентризма, а, во-вторых, уход от обмана «общечеловеческой цивилизации», от стремления во что бы то ни стало быть «настоящим европейцем» [8, с. 44].

Определяя разные виды национализма, из которых одни ложные, другие — истинные, Н.С. Трубецкой истинный национализм возводил в безусловный положительный принцип поведения народа.

При этом «отец евразийства» определял «истинным» «только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой культуре» [8, с. 49]. Ложный же национализм проявляется в форме стремления к государственной самостоятельности, а не национальной самобытности; имеет форму воинствующего шовинизма, угрожающего национальной самобытности других народов или форму культурного консерватизма, не позволяющего культуре развиваться.

Констатируя отсутствие истинного национализма в послепетровской России, Н.С. Трубецкой формулирует задачу, решение которой требует полного переворота в сознании русской интеллигенции и состоит в создании истинного национализма как общественного течения. П. Савицкий видит воплощение русского национализма задачей русского духовного деланья [12, с. 69].

Осуществление поставленной задачи евразийцы связывали с сохранением и умножением наиболее священных и заветных религиозных и национальных ценностей [12, с. 72].

При этом гарантией нормального функционирования многонационального государства, такого как Россия, по убеждению евразийцев, является осознание органической принадлежности граждан этого государства к одному целому, то есть осознание единства и своеобразия многонародной евразийской нации и общеевразийский национализм [9, с. 200].

Н.С. Трубецкой вводит в евразийскую терминологию понятие «общеевразийский национализм», который является расширением национализма каждого из народов Евразии и объединяет частные национализмы воедино. «Каждый гражданин евразийского государства должен сознавать не только то, что он принадлежит к такому-то народу.., но и то, что самый этот народ принадлежит к евразийской нации, и национальная гордость этого гражданина должна находить удовлетворение как в том, так и в другом сознании», — таково убеждение евразийцев, сформулированное Н.С. Трубецким [9, с. 197].

По определению Н.Н. Алексеева, разрешение двух важнейших вопросов современности: национального и социального, — составляют вселенскую миссию России — Евразии [4].

И сегодня евразийская идея культурного синтеза, сохранения национального наследия не утратила своей актуальности. Евразийский «национализм», раскрывая достоинство России, самостоятельное значение ее культуры, предопределяет ее положение в ряду других культур и государств; заключает одно из возможных решений национального и социального вопроса, проблемы единства общества и целостности государства России.

В сфере государства и права евразийский «национализм» требует отказаться от бездумного копирования чужих образцов, познать государственно-правовую специфику России и сообразно этому самопознанию стремиться к идеалам государства и права.

Идеи евразийства, безусловно, требуют адекватной интерпретации с учетом современного статуса России и не могут рассматриваться в качестве догмы. Вместе с тем, было бы слишком самонадеянно отказаться от этого культурного наследия, списав на задворки истории учение евразийцев. Потенциал евразийской идеи еще не реализован.

Литература

1. *Хачатурян В.М.* Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
2. *Савицкий П.Н.* Географический обзор России — Евразии // Мир России — Евразия. М., 1995.
3. Савицкий *П.Н.* Евразийство // Мир России — Евразия. М., 1995.
4. ГАРФ. Ф. № 5783. Оп. 1. Ед.хр. 191. Л. 9. Статья Н.Н. Алексеева о русской революции. 1929 г.
5. *Хачатурян В.М.* Культура Евразии: этнос и геополитика // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992.
6. Евразийство: Опыт систематического изложения. Париж, 1926.
7. Евразийство: Формулировка 1927 г. // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. 9.
8. *Трубецкой Н.С.* Об истинном национализме // Мир России — Евразия. М., 1995.
9. *Трубецкой Н.С.* Общеевразийский национализм // Мир России — Евразия. М., 1995.
10. Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов / Под ред. Л.В. Пономарева. М., 1992.
11. Мир России — Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1995.
12. *Савицкий П.Н.* Подданство идеи // Евразийский временник. 1923. Кн. 3.